

Лирика Николая Рубцова буквально пронизана, до предела насыщена ощущением загадки, тайны бытия, и более того — постоянного присутствия этой тайны в даже, казалось бы, самых простых, обыденных явлениях земной жизни. И это отчетливо слышно уже в ранних стихах поэта:

**У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.**

**Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывёт по каналу в лес.**

**И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с лёгким свистом
Слетает прохладный лист...**

**И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одинокая стая
Под куполом светлых небес!**

Душу свою Николай Рубцов называет простой, и в этой простоте, подобной душе многих дорогих его сердцу современников и далеких предков, и вообще — простой, доброй и открытой миру душе русского человека. По-детски доверчиво и чисто, с полной откровенностью говорит он нам: «Поверьте мне, я чист душою». И не поверить в это, читая его стихи, невозможно. Первый школьный учитель Николая Рубцова сказал о нем: «Доброты в нем было через край, доверчивости — еще больше; простота, не знающая границ». Это осталось в поэте на

всю жизнь, и потому у читателя не возникает ни тени сомнения в том, что Рубцов ничуть не лукавит (да он этого и не умел), не возносится, не оценивает себя слишком высоко, а просто говорит о себе с той — не знающей меры — простотой и доверчивостью, которая вызывает ответное и полное доверие, когда читаешь:

**До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!**

**Перед этой
Жёлтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.**

**Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!**

Многие ли из нас смогут сказать о себе так — всему миру, как на духу, многие ли имеют право сказать так?.. Он — имел.

Николай Рубцова гораздо меньше интересуют извивы человеческой психики, тайны и загадки сознания и подсознания (да и какие в нас могут быть особые тайны и загадки), чем тайна мира, мерцающая его душе — открытой и чистой — сквозь завесу обыденщины:

**О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!**

Но он видел их — до конца своей недолгой земной жизни, а часто даже не видел, а ощущал всю своей евангельски, младенчески чистой душой:

**От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни вёрст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...**

Причем чудесное всегда связано для Николая Рубцова с «таинственным и милым» родным краем, как скажет он в стихотворении «Ночь на Родине»:

**И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...**

Или в другом стихотворении — «Вологодский пейзаж»:

Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.

В стихах, написанных за год до смерти, поэт прозревает природу этого чуда и утверждает его неотменяемость, неподвластность суете дня — вчерашнего, сегодняшнего или завтрашнего:

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!

Так увидел он — прозрел сердечными очами — чудо появления Ферапонтова монастыря.

Поэзия сама — чудо и тайна. И литературоведы нередко задаются вопросом: в чем же всё-таки тайна очарования поэзии Рубцова? «Вроде бы, — пишет один из современников, — ничего в ней нет особенного, но вот забирает в полон».

На мой взгляд, поэзия Николая Рубцова как раз во всём особенная — поэзия чистоты, света и ясности, приобщающая нас к тайне мироздания и свидетельствующая о неотменяемости законов бытия и о неразрывной связи времен и поколений, о бессмертии души и прозреваемом поэтом особом, крестном пути России. Это во многом провиденциальная поэзия, не ближайшее будущее предсказывающая, а провидящая нашу судьбу и судьбу России «до конца, до смертного креста»:

Вода недвижимее стекла.
И в глубине её светло.
И только шука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И отраженный глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.

О, Русь — великий звездочёт!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты;

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

Убежденный в том, «что мир устроен грозно и прекрасно», умеющий воспринимать весь Божий мир как чудо, видеть неугасимую «звезду полей», «бессмертных звезд Руси, / Спокойных звезд безбрежное мерцанье», «эти русские распутия вешие», сказавший раз и навсегда:

...И вокруг любви непобедимой
К селам,
к соснам,
к ягодам Руси
Жизнь моя
вращается
незримо,
Как земля вокруг своей оси! —

он свою неиссякаемую мечту о полноте воплощения чуда выразил в горестном вздохе о том, чего здесь, на земле, не бывает: «Меж белых листьев и на белых стеблях / Мне не найти зеленые цветы...»

Но нам, читателям — современникам и потомкам — он открыл это ощущение бессмертия, провел по древней дороге, над которой сияют «голубые вечности глаза», где «каждый славен — мертвый и живой», позволив нам повторять вслед за ним слова, которые так близки нашим сердцам, что кажутся уже родными, общими словами:

И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как прежде, облака...

Бессмертна душа каждого человека. Но бессмертие поэта — особого рода, потому что мы способны слышать его голос и говорить с ним. И разве чудо — зеленые цветы в сравнении с чудом живого и таинственного присутствия в нашей жизни Николая Рубцова, в сравнении с возможностью, отрешившись от суеты, вдруг увидеть и услышать, «что ночью промчался какой-то таинственный всадник, / Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...»?

*Елена ГАЛИМОВА,
Архангельск*

